

История без ретуши

Ленинградская правда. — 1990. — 12 авг.

КОГДА летом 1986 года по приглашению друзей я приехала в большой северный поселок Усть-Кулом, как и всякого сугубо городского человека, меня поразили бескрайние лесные просторы, обилие грибов, ягод, своеобразие северной архитектуры, а главное — открытость и доброжелательность людей. Стоя на высоком берегу Вычегды и с замиранием сердца оглядывая таежную беспредельность, я еще не осознавала, какой страшной трагедией полнятся эти леса.

Тогда, слушая рассказы старожилов о за-

мерзших в тайге раскулаченных семействах, прибывших сюда на поселение и фактически выброшенных на снег в лютую северную стужу, встречая в лесу заброшенные погосты — все, что осталось от этих поселений (никто не жил дольше трех лет), я не думала, что через три года с новой силой зазвучит в моей жизни это название — Усть-Кулом. И от рассказа о замерзших детях, за помощью которым полагался расстрел, я перейду к свалочным ямам Центральной колонны Севжелдорлага Коми АССР в Княж-Погосте.

СЕГОДНЯ много написано уже о зверствах и репрессиях, но, встречая все новые примеры проявления тоталитаризма, не перестаешь удивляться. В голодные послевоенные годы, окруженный со всех сторон лагерями, Усть-Кулом имел свой театр! Небольшой интернациональный коллектив был организован бывшими заключенными, опасавшимися селиться около больших городов, надеясь, что здесь о них наконец забудут. Об этом театре, уже свободных людей, поведала мне женщина, чью актерскую судьбу можно сегодня без всяких натяжек назвать крепостной. Тамара Владимировна Петкевич — актриса ТЭКа (театрально-эстрадного коллектива) Центральной колонны Севжелдорлага Коми АССР.

Молодость этой женщины прошла в лагерях. И все было в этой молодости — среднеазиатская жара и лютые северные морозы, физическое истощение и творческий поиск, встречи с прекрасными людьми и попрание человеческого достоинства. Молодость человека, прошедшая в нечеловеческих условиях: под пристальным взглядом конвойных, под скрежет цепей, на которых бегали по проволоке вокруг лагеря собаки.

Первая моя встреча с лагерным театром произошла именно в Коми, я была зрительницей. Лесоповал, истощение, цинга, лазарет, и там, в лазаретной колонне, куда меня после лечения взяли медсестрой, встретилась я с ТЭКом.

Помню торжественную тишину какого-то принаряженного зала — кто в чистом платке, кто с красивой тряпичей в волосах. «Поплыл» в стороны занавес из серых лагерных оде-

жд, и зазвучала музыка. Давали отрывок из оперетты «Роз-Мари». Красивые и, как нам казалось тогда, нарядные люди пели. А мы плакали. Кто совсем тихо, кто громко, на взрыд. Мне свело спазмами горло. Дальше, в моих актерских странствиях лагерная аудитория будет и плакать и смеяться, но этот комок в горле я запомнила навсегда.

Тамара Владимировна Петкевич родилась в 1920 году в Петрограде. В 1937 году ее отца, директора торфяного предприятия, члена ВКП(б) с 1918 года, арестовали. (Он был реабилитирован посмертно в 1956 году). Ей пришлось оставить Институт иностранных языков и уехать во Фрунзе. Там, в 1941 году, ее арестовали прямо на лекции в Медицинском институте. По 58-й статье она получила 7 лет лишения свободы, 3 года поражения в правах. И началась новая жизнь, жизнь обработчицы конопли в Киргизии. Тело покрывалось множественным саднящим ранок от мелких цепких колючек, разъедала руки вода, покрытая слоем белых червей. Затем работа кайловщицей в карьере. Далее север — работы на лесоповале.

— ТАМАРА Владимировна, как вы стали актрисой в лагерном театре?

— Чтобы понять, как я стала актрисой, надо представить, что такое вообще был лагерный театр. Не только лицемерие режима порождало такие театры, у этого явления была и своя реальная подоплека. Лагерное начальство скучало вдали от цивилизации и, подобно крепостникам XVIII века, придумывало для себя развлечения. Они гордились своими труппами и спорили, у кого лучше. Воркутинский лагерь с

Ухтинским или с Интинским. А начинался театр так: обычно начальник политотдела листал дела, отбирал профессиональных актеров, музыкантов, а то и просто красивых людей (еще одна из родовых крепостных театров черта).

Наличие известных режиссеров, актеров или музыкантов во многом определяло и жанр

му времени выучила и прочла своим товарищам рассказ Елены Кононенко «Жена». Рассказ этот принес мне наш бригадир Гриша Батулин. Не знаю, что двигало этим простым, деревенским мужиком, когда он протянул мне обрывок газеты со словами: «Ты у нас интеллигентная, выучи». Могу только сказать, что я навсегда запомнила имя этого человека и сохранила добрую память о нем. Гриша Батулин отличался редкой порядочностью и никогда не обманывал при учете норм, при выдаче заработанного. В лагере это было очень важно, ведь царил полный произвол. Помню я и рассказ Елены Кононенко. Это была одна из

«КРЕПОСТНАЯ АКТРИСА»

театрального коллектива. Например: выслали Печковского — в Интинском лагере организовали оперную труппу. У нас в лагере драматическую труппу возглавлял режиссер Александр Осипович Гавронский.

Встреча с этим человеком многое определила в моей жизни. Он окончил философский факультет Марбургского университета, филологический факультет Женевского университета и институт Жан-Жака Руссо. С 1916 года по 1917 год работал режиссером Цюрихского театра. В России им были поставлены такие фильмы, как «Темное царство», «Любовь», «Мост через Выпь».

Не имея актерского образования, я очень боялась, что мне не удастся встать вровень с такими профессионалами, как Николай Теслик, Ванда Мицкевич, Дмитрий Караяниди, Игорь Хрустале. Меня рекомендовали в театр сами заключенные «как свою актрису» — я к то-

первых попыток показать трагедию человека, вернувшегося с войны инвалидом.

— А что играли в лагерных театрах?

— В нашей труппе много играли Чехова. С ним связан и мой театральный дебют — роль Шилучиной в водевиле «Юбилей». Играли Островского. Вообще Гавронский любил классику. Конечно, был и современный репертуар, шел «Русский вопрос» К. Симонова.

Много пели. Однажды, как рассказывал директор нашего театра С. Ерухимович, пришел он к начальнику политотдела — принес репертуарный план. Тот осведомился, что это за песня «Рассвет» Леонкавалло? И узнав, что речь идет об Авроре, — одобрил. Каково же было его изумление и негодование, когда выяснилось, что Аврора — богиня зари. Песню запретили.

— Что помогало вам жить в лагере, участие в крепостной труппе?

— Если речь идет о «выживании», то в немалой степени именно это. Мы, конечно, стеснялись своей более легкой участи артистов, но и мы в любую минуту могли оказаться на общих работах в результате чисток, которые проводились среди артистов время от времени. Правда, из общей колонны могли и вернуть, когда, скажем, жены начальников огорчались, что в результате чистки театр потерял в качестве постановок. И в этом был парадокс нашего существования.

Но вообще-то устоять помогало многое. Во-первых, нас очень ждали товарищи на глухих лагерных пунктах. Им уже давно казалось, что на земле

герных театрах, ее готовит Союз театральных деятелей, предполагаемое название — «Театры Архипелага ГУЛАГ», возможно, из нее вы узнаете, какие коллективы работали под Красноярском.

— ВАШИ воспоминания войдут в эту книгу?

— Да, там будет глава, названная мною — «Случайная профессия».

— ТАМАРА Владимировна, как далеко тянулся за вами лагерный шлейф, я имею в виду отношение людей, прием на работу?

— По-разному бывало. Были люди, которые не боялись помогать и заступаться за тех, кто сидел в лагерях. Например, Николай Черкасов своими письмами к начальнику лагеря буквально спас жизнь Гавронскому. Мы знали эти письма наизусть. А детская писательница Нина Гернет очень много помогала Тамаре Григорьевне Чулукидзе, замечательной грузинской актрисе, организовать кукольный театр в Севлаге для больных туберкулезом. Наш лагерь имел детприемник.

Дети заключенных, родившиеся в неволе, попавшие грудными в лагерь вместе с арестованными матерями, были буквально потрясены, увидев куклу-корову, куклу-курицу. Выяснилось, что они никогда не видели этих животных в природе. Только куклу-собаку сразу убрали из всех спектаклей. Ее появление вызывало среди детей такой ужас, что их долго не могли успокоить.

Так вот, Нина Гернет не только посылала для спектаклей свои сказки, она высылала клей, тряпочки, цветную бумагу, фольгу для изготовления кукол. Ведь в лагере ценилась каждая пуговка. А для первой куклы-ведущего Степки вольнонаемные пронесли в зону две голубые пуговки для глаз.

Я СМОТРЮ на Тамару Владимировну и понимаю, что ей не нужны мои сочувствующие вздохи, мои соболезнования. Им, уцелевшим, вообще не нужна наша жалость. Они хотят лишь одного, чтобы мы сделали все возможное для того, чтобы их судьбы не повторились.

И. ОБРАЗЦОВА